

Э Х О
литературный журнал
3

ПАРИЖ

1978

Журнал редактируют:
Владимир Марамзин
Алексей Хвостенко

Оформление А.Хвостенко

Copyright © 1978 by review "Echo"

Произведения, распространяемые самиздатом, печатаются
без ведома их авторов.

Directeur responsable N.Secinski

Вся переписка по адресу:
V.Maramzine, 302 rue des Pyrénées 75020 Paris

Виктор СОСНОРА

ИЗ КНИГИ «1973»

ПРОЗА. СТИХИ

памяти пастернака

В Париже бастовали мусорщики.

Фанерные ящики из-под фруктов, склянки из-под консервов, бутылки, восковые пакеты из-под молока, всецветное тряпье, - пустяки быта, - все это было выброшено на тротуары, - баррикады. По Парижу с самоуверенностью захватчиков расхаживали крысы. В свете фар они вставали на задние лапы и - в медвежьих шкурах - ревели.

В Париже не было питьевой воды, ее развозили в фургонах, ледяные полиэтиленовые бутылки.

В Париже праздновали столетие Ленина. По Парижу развесили, расклеили и расставили его портреты, и некоторые негры и бразильцы носили в петлице его значок с изображением.

Профессор Венсенского университета, член коммунистической партии Франции, Клод Фриу выпустил книгу о Маяковском, но заявил о своей приверженности правительству. Фриу был заперт студентами в телестудии университета и терроризирован: ему не давали есть: приносили в форточку только виски и коньяк. Коммунистическая партия вмешалась. Когда Фриу вышел из телеотемницы, его отправили в психиатрическую лечебницу, а потом единодушно и единогласно избрали ректором.

В бассейне Венсенского университета сидели юноши и девушки, без так называемой одежды и читали в волнах стенограммы лекций. Там же в бассейне кое-где плавали белые пудели и таксы.

В еврейском квартале в ресторане под могоендовидом плясал еврей неслыханных размеров с волосатым брюхом, похожий на Тараса Бульбу.

По радио передавали маленькую радиопьесу о том, как польский писатель-эмигрант Марек Хласко покончил с собой где-то в Германии, что-то два-три года назад. У него развилась мания преследования, он запрещал входить к себе в номер и отключал телефон. Ко-

гда полиция взломала дверь, он (уже его труп) сидел за столом голый, перед ним стояла бутылка виски, все лицо его было залито слезами, как у ребенка, замерзло.

Прогулочные теплоходы освещали фарами хиппи, без тени стеснения предающихся половым сношениям прямо на набережной Сены.

Американский писатель Джеймс Джонс после больших бутылок плавал в бассейне собственной квартиры на Сене, в голубой воде. Пятьдесят лет, с могучим торсом, "славянское", то есть татарское лицо, маленькие голубые глазки, страшные брови венниками. Он осмысливал в бассейне следующий свой многотомный бестселлер о войне и мире, а выпрыгивая из бассейна, шатался по всей паркетно-мраморной квартире голышом, босиком в поисках ремня или подтяжек с пряжками, чтобы поколотить от ревности свою девочку-жену.

Американский миллионер мистер Хант после обеда, состоящего из омлетов, земляники и кое-каких травок, читал Платона на древне-греческом языке и всё знал о Марксе. Мистеру Ханту что-то за восемьдесят, лыс, толст, но животом, а не лицом, в тяжелых грубошерстных костюмах. После обеда он пил коньяк (и крепко), так и засыпал с Платоном.

Телохранитель мистера Ханта Луиджи, бывший шеф какой-то итальянской мафии, выкупленный Хантом у какого-то там федерального, что ли, суда, ходил на больших пальцах, как балерин, в белой лакейской куртке, под которой буквально играли мускулы, и переставлял серебряные тарелки с нежностью, очевидно, свойственной всем гангстерам.

У Луиджи было две виллы в Италии, дом в Америке, дом под Парижем, он не терпел гостиниц. Две машины в Париже, повседневная, с кузовом для продуктов, и воскресная, для католических праздников или гуляний. На вилле у Ханта Луиджи разводил белочек, зайчиков, фазанов, красивых просто птичек и хомячков, - такой вольер. С местным пастором они удили форель в Провансе, толковали наизусть библейские тексты, критикуя со страстью апокрифы. Луиджи было 54 года, тело гориллы, он убил (участвовал опосредственно в убийстве) около 200 человек.

Полин Ротшильд писал эссе о Кижях. Филипп Ротшильд переводил стихи романтиков Испании, кажется, на итальянский.

Князь Николай Татищев, лет двадцати семи, воспитанный, нервный и агрессивный юноша, публиковал стихотворения на русском языке и совсем не умел говорить по-русски, - путался в инфинитивах.

Графиня Шувалова продавала у Диора замшевые пальто.

Великий князь Константин претендовал на советский престол.

У Антониони в фильме "Забрийдский пойнт" верх современности женское имя "Дарья".

В такси так же невозможно говорить по-французски, как в советском посольстве. Вечером проститутки подходят и еще с надеждой, что ошиблись, спрашивают - откуда? - и, махнув рукой, вздыхая, уходят.

Роберт Масси написал том об убийстве семейства Романовых и сейчас писал о Петре Первом. Его жена, Сюзанн Масси издавала в Лондоне и в Нью-Йорке антологию пяти ленинградских поэтов. У них в саду, на улице Вишневы сад около казарм гард-республикен играли гвардейские горны, а в саду за салатом и легким вином с су-

хариками сидели знаменитые певцы Америки Питер, Пол и Мэри. Телосложением они – титаниды, учились под свои банджо и гитары произношению французских слов. Питер был выходец из России и композитор всей этой труппы. По зеленым газонам сада бегало два кролика, а рядом у магазина сидел русский медведь красного цвета и пускал из морды мыльные шары. Естественно, медведь не настоящий.

Эльза Юрьевна Триоле отказалась встречаться с Михалковым, чем привела последнего в неопишное изумление, ибо он был твердо уверен, что весь так называемый культурный Париж будет польщен его визитами.

Левые студенты с женскими волосами били изо всех сил нескольких полицейских и были просто ошарашены несправедливостью буржуазного общества потребления, когда на жалобные вопли полицейских примчалась бронированная машина и студенты были избиты и брошены на два дня в тюрьмы.

Экзистенциалист Жан-Поль Сартр требовал, чтобы его, не мешкая ни секунды, арестовали за его революционные мысли и чувства, но полиция наотрез отказалась квалифицировать его мысли и чувства как революционные. Тогда он вышел на улицу и что-то совершил (за ухо, что ли, кого-то хватанул?). Его арестовали. Экзистенциалист отсидел несколько дней в тюрьме (несколько комнат, ванна, ресторанное меню, только что без девок и без телефона) и написал за эти несколько дней книгу про нечеловеческие ужасы парижских тюрем.

Советские туристы бегали, как бедняги, по магазинам и проклинали изо всех своих сил дороговизну Запада и Капитализма (им обменяли на валюту по 13 рублей, и за эти тринадцать серебряников они хотели скупить всю Францию).

У Эйфелевой башни продавали сувениры – эйфелевы башенки – и отправляли желающих наверх то ли на лифте, то ли на фуникулере. Большинство доезжало только до первого этажа. Пили, с восхищением глядя на прекрасную землю, вниз. Тут же на Сене в букинистических лавочках, расставленных, как табуретки, беленькие старички и старушки продавали какую-то чушь бумажную, ширпотребные открытки и клеенки.

"Чрево Парижа" закрыли и обнесли железными сетями. Париж перекрасили, и он стоял, как новенький, и Нотр-Дам, и остальное, – отлакированный, игрушечный.

На бензоколонках ЭССО появилась новая реклама, точнее, портрет неизвестной девушки с бешеными волосами, вьющимися, неземной красоты. На многих магазинах меняли рекламы, подражая советскому стилю: покупайте галоши, – и всё, без характеристики качеств товаров. Цена за галошу 5 франков. Думай, что хочешь, – не без оригинальности.

Вошли в моду старинные примитивные портреты (семейные). Чем хуже художник – тем ценнее, лишь бы у портрета была древность. Можно было выбирать себе по вкусу прабабушек и прадедушек и уже "фамильный" портрет вешать на стенку. Особенно ценилась такая живопись в квартирах левой профессуры.

Еще один тип рекламы: в витрине магазина, торгующего бриллиантами, на золотобриллиантовых диадемах, коронах, скипетрах,

браслетах, перстнях лежал страшный клошар. Он был завернут в целлофан по горло, так что из этого чехла торчали только кисти рук с грязными, изломанными, окровавленными ногтями, развороченными, как танковая броня, и небритая морда (о не лицо!) с редкими, но твердыми, как сталь, волосами, вывороченные окровавленные веки и в одном глазу под веком - линза.

Профессор Леон Робель переженился на советской студентке в Москве. Его жена сошла с ума. Его дочери было шестнадцать лет. Вдруг дочь пропала. Ее искала вся полиция ООН. Полгода никаких сведений не поступало. Потом пришла телеграмма из психиатрической лечебницы в Швейцарии. Вот что произошло.

6 юношей, революционеров, бунтарей, борцов с буржуазностью и обывательской нравственностью, 6 близких друзей девушки, отправились в Индию к гробнице Тадж-Махал, чтобы очиститься от скверны Запада. Посредством рождения общего ребенка. Сего младенца, как искупителя и грядущего святого, они собирались оставить в храме, а самим возвратиться очищенными от всяких посторонних бдений бытия. В качестве будущей богоматери они взяли с собой подружку и все по очереди (потом оказалось, что для очередности у них не хватило терпения и они довольно-таки беспорядочно) жили с ней. Они все семеро пошли босиком и курили махихуану. Но проклятое европейское воспитание всё же сыграло свою роль: чтобы не подохнуть в пути, они украли у родителей драгоценности.

Девушка забеременела где-то в Италии (а шли они, нужно отдать должное, действительно пешком).

Поскольку весь сексуальный опыт у юношей был - лишь мертвые книжные знания романтики и поверхностное знакомство с порнографией, то они беременную девушку, не зная сами, что делают, сильно травмировали. Она истекала кровью.

Посоветовавшись и поняв, что святого младенца все равно не предвидится, а их поход в самое ближайшее время превратится в камеру одиночного заключения, революционеры нравственности и морали бросили девушку где-то в горах и разбежались кто куда. Она доползла до какого-то селения, осталась жива, но, по неопытности, во всем чистосердечно призналась. Суд - был. Скандал в ООН. В ЮНЕСКО. Но результаты не играют никакой роли. Девушке уже не выйти из психиатрической лечебницы.

В русской консерватории состоялось торжественное заседание, посвященное 80-летию Пастернака.

Было: человек 70, серых, мышиных, монашских, средненько одетых, пергаментных, луковичных каких-то головок, лысых, в париках, плохо покрашенных. Влиятельных персон - не было. Молодых - не было. Думается, все присутствующие - русские от лет семидесяти. Пять французов, так и сидели пятеркой. Зал крошечный, стулья простые, шаткие, сцена совсем не освещена, на сцене дощатый стол, как в колхозе, - президиум.

Председатель - Зайцев. Вейдле, Адамович, Окутюрье.

Зайцев говорил вообще о Пастернаке. Стоял. Что-то вспоминал. Очень поношенный костюм, галстук без цвета, истощенное бритое старое-старое лицо в мерзлых морщинах.

Вейдле вычитывал цитаты из бумаг, сидя, бормотал иронически и "на зал", с фельетонным остроумием: Пастернак - такой же приспособленец, как и все остальные советские писатели, диалектический материалист и атеист, он специально завязал связи с Грузией, чтобы польстить национальности Сталина, он переводил с грузинским акцентом, он посылал Сталину поздравительные телеграммы, предал Мандельштама, а вечерами на своей фешенебельной даче в Переделкино играл на пластинках "Сулико", собственно, как творческая личность Пастернак умер уже в тридцать седьмом году и только переводил пьесы незапрещенных драматургов, таких как, к примеру, Шекспир, чтобы пропитаться, не попасть в советские концентрационные лагеря, Нобелевскую премию он получил по чисто политическим причинам, потому что как раз тогда Шолохов покупал себе Нобелевскую премию ценой советских финансовых договоров на товары со Швецией, а роман "Доктор Живаго" уж никак не тянет на Нобеля, - это слабенький парафраз Толстого Льва на советскую патриотическую тему.

Адамович указал на ряд промахов стилистики в "Докторе Живаго", попутно отметил в положительном смысле свой перевод Камю на русский язык, Адамович стар и полуслеп, но ходит без очков и без палки, больное холеное лицо, непроницаемое, волосинки расчесаны на пробор.

Потом говорил Окутюрье. Он жил в СССР и учился, его мать чешка, моложавый, молодой, румяный, рыжеватый, курносый, круглолицый, он говорил на более чистом и современном русском языке о том, что Пастернак - прежде всего поэт и никакой не нобелиат, как нельзя же присвоить премию, скажем, птице, она все равно премии - не поймет, а будет петь и петь, - и ничего больше.

Уже потом луковичные головки и плохо покрашенные парики окружили Окутюрье, комплименты, все пили оранжад, и еще там были бутербродики типа вафель размером с мизинец, никто не верил, что Окутюрье - профессор русской литературы в Лозанне, все так и решили, что он инкогнито, гость из Москвы или же рука Кремля.

Я подошел к Адамовичу и представился. Он, не глядя - вежливая высокомерность - сказал, что слышал и читал и нравится, да и встречались пять лет назад в Париже, и спросил вдруг:

- А вы - уже эмигрант?

- Нет, что вы, - простодушно ответил я.

- А, - оживился он, - тогда до свиданья, дорогой Виктор Александрович, всего вам наилучшего и здесь и там.

Через две недели умерла Эльза Юрьевна Триоле.

Накануне мы ужинали у Клода Фриу, было пятеро: Арагон, Триоле, Фриу, его жена Ира и я. Я читал "Пьяного ангела". Там были стихотворения католические, и Эльза четыре раза просила меня повторить "мечь за смерть. Если это мечь - мстите, Господи, я - готов". Арагон засыпал. Было больше двух часов ночи, Эльзе стало плохо, я заторопился, и, действительно, меня буквально под окнами ожидал польский писатель-эмигрант Петр Равич, Эльза просила остаться, я сказал:

- До свиданья.

- Ну нет, - запротестовала она, - давайте: прощайте. Так точнее.

- Что вы, Эльза Юрьевна, при чем прощанья?

- А вот увидите и вспомните утром.

Утром она умерла. Арагон сказал, что так же, как описала смерть своей героини в последнем романе "Соловей умирает на рассвете".

На следующее утро прилетела из Москвы Лиля Юрьевна Брик, она была неестественно оживлена, она не хотела никого огорчать своим горем, мужественная женщина мира, оклеветанная четырьмя поколениями журналистов и всеобщего хамства.

И только на кладбище, когда, по обычаю, самые близкие выражали свое сочувствие семье, она обняла меня и зарыдала:

- Ах дорогой ты мой, они гроб заколотили, я Эльзу так и не видела!

Впервые за много-много лет знакомства она сказала мне "ты" и в будущем - никогда.

Гроб заколотили. Была гражданская панихида.

Сколько людей у здания "Юманите"! Мне предложили выступить, но, в общем-то, мрачновато выступать между Марше и Нерудой, один - мне неизвестен, да и Эльзе, я думаю, известен был понаслышке, а второй - так нескромен в оценках собственной персоны.

Впервые на похоронах Эльзы я видел членов ЦК компартии Франции и был искренне изумлен: где, ценой каких усилий и затрат, они ухитрились сшить себе такие бесцветные костюмы-двойники и так постричься, - по московской системе?

Что ж, резонировать? Составленный здесь мной список - "не в ногу", но и вообще-то списки составляют только в тюрьмах.

ПЕСНЬ МОЯ

Ой в феврале
тризна транспорта, фары аллей.

В Летнем саду
снег у статуй чуть-чуть зализал срамоту.

Дебри добра:
в шоколадных усах у школ детвора.

Толпы Цирцей
сочетаются кольцами в бракодворце.

Девушки форм
любят в будках под буквами "телефон".

Как эхолот
шевелищий усами эпох полицейский-илот.

Солнце-Дамокл.
Альпинистские стекла домов.

Мерзкий мороз
моросит над гробницей метро.

Тумбы аллей
в краснобелых тельняшках - опять юбилей.

Бей сердце бей
в барабан безвоздушных скорбей.

Плачь сердце плачь,
всех смятений сумятицу переиначь.

Пой сердце пой!
Ты на троне тюрьмы. Бог - с тобой.

Ой в феврале
вопли воронов, колокола кораблей.

Худо дела:
чью там душу клюют, по ком - колокола?

ЛЕТНИЙ САД НОЧЬЮ

Деревья проще, чем люди:
хотят не хотят - не ходят.
О чем они мечтают? -
ни вопля, ни шепотка.
В лунном литье водянистом
они - старые спруты,
смотрите и смиритесь:
лишь игрища игл с листвой.
А в деревянных будках
(на них бы мелом 00)
статуи спят стоя,
как в саркофагах.
А в колпаках стеклянных
одна - карандаш в пенале,
одна - головастик
в экспериментальной банке,
одна, как милиционер, -
голубая,
а в общем, им всем напялили
не колпаки стекла, -
на голову презервативы.
Кто был здесь? О было - сплыло.
Их нет. И грустить - глупо.
Ибо уже не будет.
Теперь у Летнего сада
вся земля в зеркалах
мерзлых. Замки закрыты.
Это не сад деревьев -

тюрьма воспоминаний,
решетки - колы для голов.
Где:
в зеркалах-могилах
каждый свое отжил,
вот - отсверкалась шпага,
отвеселился стих.
Утром растает солнце,
голубь беременной блядью
сядет на злато стали,
окапает воск веков.
Воин с рукой медузы
бегом бегом с гауптвахты.
Люди с вставными глазами
трудящимися шагами
в блестящих лаптях - в цеха.
Чиновник уйдет в чудесный
свой кабинет из древа.
Профессор университета
лекцию о ...
.....
Пока еще сад не летний,
а просто Летний сад ночью,
и голосом бедной Лизы
лебедь поет поет.

Ворона

И красными молекулами глаз
грустны, грустны, взволнованы за нас

вороны в парке (в нем из белых роз
валетики из влаги и волос).

И вот ворона бросилась. И вот
я все стоял. Она схватила в рот

билетик театральный (как душа
у ног моих он был, - дышал дрожал,

использованный). И остался снег.
Спектакля нет. Вороны нет.

В 1973 году известному поэту Викторе Сосноре исполнилось 37 лет. Возраст некоторых итогов, по традиции, для каждого русского поэта. Соснора живет в Ленинграде. Кроме стихов, он пишет и прозу, которая никогда не печаталась в СССР. Рукописи Сосноры пришли из самиздата и печатаются без ведома автора. Редакторы надеются, что упомянутые автором лица не сочтут себя обиженными - способ видения характеризует прежде всего самого пишущего.